

ПАМЯТЬ

11 апреля во всем мире отмечается памятная дата – Международный день освобождения узников фашистских концлагерей. Всего на территории Германии и оккупированных ею стран действовало более 14 тысяч концлагерей, гетто и тюрем. За годы Второй мировой войны через лагеря смерти прошли более 20 миллионов человек из 30 стран мира, из них 5 миллионов – граждане Советского Союза. Примерно 12 миллионов человек так и не дожили до освобождения, среди них - около 2 миллионов детей. Кажется, так давно это было. Но только не для тех, кто прошел сквозь ужасы фашистских застенков. Биографии этих людей – это настоящие уроки мужества для молодого поколения.

Смеяться запрещено!

В октябре 1941 года деревня Марково, что в Калининской области, оказалась под мощным ударом немецких войск, ведущих бои на подступах к городам Калинин и Ржев. Деревню разбомбили до последней хаты, сожгли и уничтожили все живое. Местных жителей, кто успел спрятаться в погребах и землянках, на следующий день собрали на окраине - их путь лежал в рабочий поселок, где раньше был известковый завод. Расселили по баракам.

– У нас в квартире лежали раненые солдаты, – вспоминает Нина Николаевна УНГЕФУГ. – Когда поселок заняли немцы, кто-то донес об этом, и папу забрали в комендатуру. Больше мы его не видели и ничего о нем не знаем. Мама несколько раз, уже после войны, пыталась отыскать отца, но безрезультатно, ведь наши и его документы сгорели во время бомбежки.

А потом семилетняя Нина попала в концлагерь, расположенный на оккупированной территории города Ржева:

– Это был семейный концлагерь, сюда сгоняли детей и их матерей со всех деревень и сел. У мамы нас было трое: я, сестра и младший брат. Старшего – увезли в Литву, а тетю – в Германию. Она была донором, отдавала свою кровь немецким солдатам.

Лагерь размещался в огромной конюшне, мы спали на земляном полу, подстелив солому. Ныло очень холодно. Покушать нам приносила мама поздно вечером, когда приходила с работы. Она, как и все женщины, заготавливала дрова, топила печи, варила еду немецким солдатам, стирала их белье.

А какую еду ей выдавали для нас?! Жидкая похлебка – мы по очереди, по глоточку отпивали из котелка, у нас даже ложек не было – не положено. Нельзя было громко разговаривать и смеяться, играть с ребятами и выбегать на улицу. Лагерь охраняли часовые – полиция с винтовками.

А когда в нашей конюшне начался тиф, немцы хотели нас всех сжечь. Руки и ноги покрылись коростами, а под ними – вши. Берешь горстями и отдираешь вместе с кожей. С ног до головы мы были в этих страшных оспинах-крапинах.

Смерть ходила рядом, как только выжили, уму непостижимо.

Много детей умерло, хоронить не разрешалось. Тут же, за окошком, зарывали трупы в снег, а по весне их свезли и огромную яму.

В этом концлагере нас продержали больше года, в марте 43-го пришло освобождение, но мы еще долго, почти до окончания войны, жили здесь.

В 1945 году я пошла в школу, в первый класс, а мне ведь уже было десять лет. После окончания школы выучилась на строителя.

В Краснотурьинск приехала в 1956 году по комсомольской путевке, работала бетонщицей, строила промышленные корпуса Богословского алюминиевого завода. Выйдя на пенсию, еще подрабатывала – мыла полы в заводских цехах. Общий трудовой стаж – более 48 лет.

А детства и не было...

Вторая мировая война пришла в дом этой семьи намного раньше, нежели для всех нас, живущих в СССР. В сороковом году Рязанцевы проживали в Польше, в небольшом пригороде у станции Заремба, которой и руководил глава семьи.

Уже тогда поляки, раздираемые политическими противоречиями, воевали не только между собой, но и с «кацапами»: русские были здесь чужими.

В один из июньских дней 41-го года начальника станции, советского коммуниста А.С. Рязанцева вызвали в спецчасть, и больше его в семье никто не видел. Только в 43-м они ли, что отец погиб под Ленинградом, сражаясь в боях за «Дорогу жизни».

Мать с пятерыми детьми: старшему – 12 лет, младшей - всего два месяца, осталась одна. А Ниночке (ныне она Нина Александровна КРАСНИКОВА) исполнилось десять лет. Удивительно, но детская память сохранила все события того страшного времени, и горькая повесть нашей героини, словно лента военной кинохроники, предстает перед глазами:

– Немцы шли по улице, шумно крича, с засученными рукавами, автоматами подталкивая людей, выгнанных из домов. И хотя они кричали: «Наин, найн!», вроде как стрелять не будем, мы сильно испугались, заревели, мама всех детей увела в погреб. А когда вернулись в дом, оказалось, что все нажитое добро разграблено, даже посуда. Но надо было как-то жить.

Мы с братом пошли в пастухи, пасли коров у польского пана, за это получали по куску хлеба и немного молока. Несли домой, кормили семью. Однажды, когда мы возвращались с пастбища, нас остановили двое мужчин, поинтересовались, кто мы. Узнав, что мы живем неподалеку от железнодорожной станции, спросили про поезда, как они часто ходят. Потом они еще раз разговаривали с нами, сказав, что на станции работает их русский друг, которому надо помочь, сообщить какие-то сведения. Мы пообещали, что все сделаем. И передавали сведения

Но о наших тайных встречах кому-то стало известно, и на нас донесли. Маму арестовали, а с ней и нас, всех пятерых.

Хорошо помню этот день – 10 апреля 1943 года. К дому подъехала бричка с четырьмя жандармами, приказали ничего с собой не брать, потому что повезут расстреливать. Мама все же успела кое-что из еды бросить в мешок. Целый день нас везли, наконец прибыли мы в город Ломжа, знаменитый своей лютой тюрьмой. Нас поместили в одиночную камеру: деревянные нары, маленькое оконце, ведро с парашей в углу. Дали хлеба по 50 граммов, и то с опилками.

Потом нас с братом и маму пытали, били. Во дворе тюрьмы висели трупы на столбах, и нам говорили, что нас также повесят или расстреляют. Было страшно. Сильно заболел младший брат Юрик, ему было четыре годика. Лечить его никто не стал, и вскоре он умер. Правда, был в тюрьме очень хороший человек – ключник, русский эмигрант, он подкармливал нас. Но его расстреляли за то, что он написал письмо в международный Красный Крест о том, как здесь истязают малолетних детей.

Мы жили, если можно назвать это жизнью, в вечном страхе, не надеясь на лучшую долю. По ночам мама молилась и нас заставляла. Мы стояли на коленях и обращались к Богу.

И он услышал наши молитвы: нас не расстреляли, а повезли в Германию. Там мы ста-

ли узниками одного из концентрационных лагерей в городе Коль. Правда, здесь отношение к нам было помягче, да и кормили получше. Здесь разрешалось общаться с другими детьми, нас никто не бил.

В январе 1945 года пришло наше освобождение. Хорошо помню, как нас с братом советские танкисты целых три дня катали в своей боевой машине по улицам города. Как-то остановились у одного полуразрушенного особняка, и нам разреши взять что понравится, на память. Брат выбрал велосипед, а я – детскую коляску для кукол. Вот такими подарками «одарила» нас горькая судьба.

В конце января мы приехали в Россию, в Курскую область, поселились у бабушки в селе Плоцкое. Здесь нам выдали денежное пособие, как пострадавшим от нахождения в концлагере, и мама купила корову, ставшую кормилицей семьи на многие годы. Даже в 47-м году, когда случилась страшная засуха и многие люди продали свою скотину, мы спасли нашу коровушку: разобрали камышовую крышу на корм. А хату, между прочим, строил старший брат Анатолий, ему уже шел 16-й год, и он был прекрасным работником. Ну и мы помогали: месили глину с песком, делали кирпичи, бревнышки из леса таскали. Хороший домик получился, крепкий. Сельчане нас хвалили.

Таким было у меня детство...

ЛЮДМИЛА КОЛЕСОВА

Фото АВТОРА

Унгефуг, Н. Н. Память : [воспоминания узников фашистских концлагерей Нины Николаевны Унгефуг и Нины Александровны Рязанцевой (Красниковой), ныне проживающих в г. Краснотурьинске / записала Людмила Колесова ; фот. Л. Колесовой] // Заря Урала. – 2016. – 6 апр. – С. 6 : фот.